Глава 21-Семейные Разногласия

Тук.

Усталые, отстраненные глаза смотрели на захламленный тренировочный пост.

Тук.

Обито сидел на Земле на безопасном расстоянии от Итачи, пока младший мальчик остывал после тренировок с сюрикендзюцу. Он смотрел, не отрывая глаз от столба, но мысли его блуждали. Спасаясь.

Прошел всего один день с тех пор, как команда номер семь вернулась с задания класса "С", и, говоря откровенно, Обито устал. Предыдущая командная тренировка была не более вялой, чем на обратном пути, и это совершенно обескуражило уже побежденного Обито.

Внешне Минато был таким же. Рин и Какаши тоже делали явные шаги, чтобы казаться невозмутимыми, но было легко заметить, насколько вынужденным и неестественным было их поведение. Всякий раз, когда Обито двигался слишком быстро или говорил из-за спины брюнетки, она слегка вздрагивала. Довольно часто, когда Учиха бросал взгляд на Какаши, он ловил его пристальный взгляд с такими же темными глазами, прежде чем тот резко отворачивался. Даже у Минато, который был почти таким же, была довольно красноречивая привычка, которая ясно давала понять, что все не в порядке. Блондин все еще отказывался смотреть в глаза Обито, и хотя для некоторых это могло быть истолковано как страх или трусость, более вероятно, что Минато охранял его мысли. Теперь, когда он знал правду, знал, что Обито не был тем, кого он знал, он должен был держать себя настороже, чтобы помешать потенциальному врагу искать у него ответы.

Обито вздохнул. Он был готов к этому, и это все еще причиняло ему боль. Не так сильно, как вчера, и уж точно не так сильно, как в ту ночь, когда Минато столкнулся с ним лицом к лицу, но все равно это была вездесущая боль.

И еще оставался важный вопрос: что он будет делать, когда его снова начнут допрашивать?

Если быть до конца честным, он был более чем слегка шокирован тем, что до сих пор этого не произошло. Но больше всего его удивляло то, что его все еще держат в доме сэнсэя, в той же самой комнате, без каких-либо ограничительных печатей или цепей, которые могли бы связать его. Единственное, что действительно отличалось, - это то, что Обито старался держаться подальше от этого места как можно дольше, предпочитая оставаться снаружи до позднего вечера, прежде чем вернуться домой, когда Минато и Кушина спали. На самом деле он намеревался позже побродить по Конохе и посидеть на памятнике Хокаге, чтобы скоротать время—ему не нравилась мысль о том, что его присутствие доставит неудобство любому из двух хозяев.

Что касается самого допроса, то он знал, что это произойдет, и ему еще предстояло составить план. Он не решался вернуться к жизни пропавшего без вести, но по сравнению с безопасностью его команды ... ну, его собственное счастье было небольшой платой за это. Потому что он абсолютно не сомневался, что если они не сделают этого прямо сейчас, то он, по крайней мере, в конечном итоге окажется в гостеприимстве у Яманака, настроенным на то, чтобы исследовать его разум. Он был уверен, что его вызовут на допрос, что его сочтут либо клинически невменяемым, либо врагом.

Что бы ни случилось, он не собирался позволять им проникать в его сознание и выискивать информацию, потому что позволить Конохе вмешаться в его планы по уничтожению Мадары и остальных было тем, чего он не мог допустить.

Эгоистично, наверное. Или, может быть, это было его чувство ответственности, потому что он чувствовал, что это он должен был убить этого человека, что это была его обязанность сделать это.

Он знал, что это было близоруко и глупо, как когда-то сон Саске. Но в свою защиту он сказал, что больше не уверен, насколько может доверять кому—то свою жизнь-насколько он может доверять тем, кто ему дорог, их собственным жизням, если уж на то пошло. Потому что он не собирался позволить ни одному из своих драгоценных людей мучить себя, черт возьми.

У Обито больше не было нерушимого и непоколебимого доверия его команды, поскольку он почти физически разрушил эту связь, и она вряд ли когда-нибудь восстановится. И если он не может доверить им свою спину, то кому же он может довериться? Итачи был всего лишь ребенком, едва постигающим концепции единой трансформации природы, несмотря на свой врожденный гений, и Шисуи был почти таким же. Хотя он и заслужил более дружеские отношения с главой клана, они ни в коем случае не были друзьями, и их знакомство можно было назвать исключительно дружеским деловым партнерством. Кроме того, у этого человека есть долг перед своим кланом и деревней—зачем человеку такого престижного ранга помогать сомнительному ребенку?

И все же, несмотря на довольно одностороннее доверие со стороны Обито, он по-прежнему заботился обо всех них. Конечно, в Конохе были некоторые люди, которые не слишком радовали его деревню, но... это все равно была Коноха. И, в некотором смысле, Обито наконец понял, где Наруто достиг своей непоколебимой любви и преданности деревне, такой ущербной и изуродованной, и все же…

Лояльность. Честь. Это были принципы, которые Коноха отрабатывала и процветала, несмотря на то, что была деревней Шиноби—что обычно означало предательство и предательство в изобилии. И именно из-за его культуры, из-за его проклятой огненной воли так много людей в конечном итоге совершали самые глупые и необратимые поступки, самым обычным образом жертвуя собой.

Он не хотел, чтобы кто-нибудь в Конохе что-нибудь узнал. Он не хотел, чтобы они узнали больше, чем то, что он был способен контролировать, потому что если они решат сделать что-то, чего он не ожидал, что-то, что обернется отрицательно, что он не в состоянии исправить…

... Это была бы вина на его собственных плечах. Их смерть или жертвы, которые он должен был предотвратить, были бы нежелательной виной и тяжестью на его собственной совести. Он не хотел рисковать потерять еще больше людей, только не снова.

Он также... он не мог работать ни с кем, он больше не был тем, кто мог бы применить командную работу. Уже нет, не до такой степени, чтобы это было скорее преимуществом, чем ущербом—он почти двадцать лет провел в тени, манипулируя, обманывая, используя, а затем убивая людей, которые были включены в его планы. Это не было командной работой, и все же это было то, с чем он был наиболее знаком.

Так что-нет. Может быть, это и глупо. Может быть, он и упрям. Может быть, он и не заслуживает доверия. Он определенно был эгоистом.

Но он отказался включить свою команду или Коноху в свои планы... это было все, чего он действительно хотел на данный момент. Не быть счастливым со своей командой, поскольку эта мечта была явно сбита, и жить мирной жизнью в Конохе было столь же маловероятно, если принять во внимание нынешние, довольно неблагоприятные обстоятельства обито. Потому что, по крайней мере, тогда, если он упадет... он будет единственным.

Ни Минато, ни Какаши, ни Кушина, ни Рин, ни семья Итачи, ни деревня. Только он один.

Просто Учиха Обито.

Как это было всегда.

Тук.

Моргая, он обратил свое внимание наружу, чтобы посмотреть на молодого наследника Учихи. Брови Обито нахмурились, когда он увидел несколько разбросанных сюрикенов (немного, но для Итачи это было странно) и странное выражение ужаса на лице Итачи—мальчик не был сосредоточен на своей тренировке. Он явно что-то обдумывал, что-то особенно сбивающее с толку, если судить по разочарованию и явному беспокойству, исходившему от его фигуры.

"Все-таки немного странно, что я так хорошо читаю Учиху Итачи", - подумал он про себя, покачав головой и вставая. Обито подошел к тому месту, где стоял младший мальчик с волосами цвета воронова крыла, его глаза были прикованы к тренировочному посту, но мысли явно витали где-то далеко.

Когда он положил руку на плечо Итачи, тот повернулся к нему с попыткой принять бесстрастный вид. "Обито-ниисан?"

- Что случилось, Итачи?- Нахмурившись, спросил путешественник во времени, и в его голосе послышались нотки беспокойства. -Ты редко выходишь из зоны, особенно когда прошла почти

неделя с тех пор, как мы в последний раз тренировались. - Ты в порядке?"

Итачи только покачал головой и повернулся обратно к тренировочному посту. "Да. Здесь не о чем беспокоиться."

Обито вздохнул и нахмурился еще сильнее. -Это как-то связано с Фугаку-сама?"

Младший Учиха напрягся, заставив Обито сузить глаза, когда он пристально наблюдал за ним. Обито надеялся, учитывая то, как этот человек вел себя на этот раз, что Фугаку не был таким глупым и слепым человеком, каким он был раньше. Он надеялся, что вождь клана не станет жертвой идеалов клана, постоянно возлагая непосильную ношу на плечи своего старшего сына. Обито думал, что видит разум и методичный ум за этими глазами, но, возможно, он ошибался...?

Он отвлекся от своих коротких размышлений, когда голос Итачи, странно неуверенный, нарушил его сосредоточенность. - Ото-сама... он просто делает то, что они сказали."

- Это они?". Для него "они", вероятно, означало старейшин клана Учиха. Он не был уверен, но вполне вероятно, что если кто-то и был, то это старшее поколение уважаемого клана, от которого Фугаку получал приказы.

Обито нахмурился, наблюдая, как Итачи замкнулся в себе.

Это требовало расследования. Это будет хорошим отвлечением от более удручающих тем, подумал Обито.

Усталые, черные как оникс глаза сузились.

"...Ничего", - подумал он с легким раздражением. Разочарованно вздохнув, Фугаку закрыл бесполезную книгу и положил ее обратно на полку, прежде чем схватить свиток рядом с ней.

Он быстро открыл ее, просматривая чернильные каракули вертикального текста.

Вот уже некоторое время Учиха Фугаку посещал библиотеку своего клана чаще, чем обычно. На самом деле, это никогда не было привычкой, включенной в его и без того напряженный график еще около пяти месяцев назад, и с тех пор он стал проводить столько же своего свободного времени—независимо от того, были ли ему выделены всего лишь минуты или целый час—в огромном пространстве архивных знаний, выискивая то, что он искал.

В этом не было никакого смысла. Эта мысль сразу же пришла ему в голову, когда он узнал, что ученик Минато, Учиха Обито, получил Аматэрасу.

Это было достаточно шокирующим, чтобы узнать, что предполагаемая паршивая овца клана, которая никогда не должна была достичь Шарингана, сделала именно это—и активировала его до полной зрелости. Тем более, когда Фугаку узнал, что у мальчика каким-то образом был Мангэке, уровень Шарингана, которого не было даже у некоторых старейших в клане, о котором даже глава клана имел ограниченную информацию.

Когда он был еще совсем мальчишкой и узнал о скрытой тайне клана, Фугаку надеялся, что он никогда не активирует разрушительную форму своих глаз, потому что он никогда не хотел ослепнуть... и он даже не хотел думать о той невыносимой боли, которую вызовет смерть самого близкого ему человека.

Тот факт, что Учиха Обито активировал Мангэке, был тем, что изначально подстегнуло охоту за информацией, за ответами. Ни в коем случае Шаринган не должен был быть сформирован из простых снов или гендзюцу—независимо от того, насколько тщательно он был разработан, идея о том, что додзюцу клана Учиха были одурачены тем самым элементом, который они должны были контролировать, была смехотворной, и это предположение не было полностью гордостью. Мысль о том, что нечто столь разрушительное может быть достигнуто с помощью одних лишь иллюзий, заставляла Фугаку опасаться за благополучие своего клана, поскольку он не сомневался, что найдутся люди, которые без колебаний воспользуются этой лазейкой-если это окажется правдой.

Однако к несчастью, Фугаку понял, что информация о Мангеке Шарингане была крайне скудной. Активация, по-видимому, требовала смерти любимого человека, да, но не было никакой конкретики-точной привязанности (было ли это требование, чтобы это было кровное родство? Сработает ли он, если носитель только поверит, что их любимый человек умер?), деградация (точно как долго, пока пользователь полностью не ослепнет? Есть ли способ обратить все вспять?) что определяло передаваемые способности (кровь? Обстоятельства? Сила?). Ничего.

И вот тогда он все понял.

Аматерасу. Была причина, по которой это была единственная архивная способность Мангеке. И это было потому, что в истории клана Учиха главная ветвь—по крайней мере те немногие, что достигли Мангэке,—имела Аматэрасу.

Аматэрасу был у Учихи Обито.

Фугаку ничего не сказал Минато, так как у того уже были другие причины для беспокойства. Но эта техника, это священное черное пламя, была способностью, передаваемой по главной линии внутри клана-линии Фугаку. Это была повторяющаяся картина, которую он видел в записях; было очень мало тех, кто когда-либо достигал Мангэке, большинство из них были родом из главной ветви. Еще меньше было тех из главной ветви, которые действительно имели Аматэрасу. Но, несмотря ни на что, это была способность, которой обладала исключительно главная ветвь.

С тяжелым вздохом глава клана свернул свиток и положил его обратно на полку, которой он принадлежал. Не больше информации, чем в прошлый раз.

Это имело бы ... некоторый смысл, если бы Фугаку принял во внимание родословную мальчика. Если он правильно помнил, мать Обито была дочерью второго сына прадеда Фугаку-предыдущего главы клана. Так что, да, если принять во внимание эту связь (как бы ни была разбавлена кровь в данный момент), то можно было бы предположить, что Обито сможет достичь знаменитого неугасимого пламени. Хотя бы потому, что другого объяснения не было.

И все же ... это было странно. Несмотря на то, что Аматэрасу была техникой, которая, казалось, формировалась исключительно в чистейшей крови Учихи, это было все еще мучительно редко для носителей Мангэке, чтобы получить технику, даже в пределах главной ветви.

"...Имея это в виду", - тихо подумал Фугаку, протягивая руку за другой книгой. - ...Есть одна из двух возможностей. Мое предыдущее предположение о том, что Аматэрасу определяется чистотой крови, ложно, и вместо этого определяется каким—то другим фактором-тем, что Обито и мои предки все разделяют и что я упустил из виду.- Он резко раскрыл книгу. - ...Или в самом Обито есть что-то такое, чего мне не хватает.'

Идея чистоты крови была твердой идеей, пока Фугаку не начал рассматривать Обито. В конце концов, сама активация додзюцу клана зависела от преобладания крови Учихи, а оттуда контроль, способности и гибкость с Шаринганом зависели от крови пользователя. Он считал это вполне разумным предположением, но что-то явно было не так.

И вот почему пять месяцев спустя Учиха Фугаку все еще находился в библиотеке своего клана в поисках ответов.

Без результата.

"Фугаку-сама."

Он повернулся к Учихе Чунину, который обратился к нему с суровым лицом. Он не заметил ее приближения из-за того, что его разум был так глубоко погружен в свои мысли, но он отказывался внешне показывать этот факт. "Нанами. Что это?"

Молодая женщина почтительно склонила голову. - Старейшины желают видеть вас в зале Совета. Крайне важно, чтобы вы немедленно откликнулись на их призыв."

Фугаку тяжело вздохнул и закрыл глаза, сжимая пальцами переносицу. - ...Я понимаю. Вы свободны."

С тихим "хай" она исчезла.

Глава клана вернул книгу в положенное ему место на полке, а затем скрестил руки под рукавами. У него было несколько идей относительно того, что означал этот внезапный вызов, и ему совсем не нравились его последствия.

Как только Итачи исполнилось четыре года, Совет настоял на том, чтобы дать наследнику клана полевые навыки, необходимые для того, кто занимает его место. Они хотели как можно скорее ввести его в Академию и предложили Фугаку идею—ввести Итачи в Академию, как только он достигнет совершеннолетия, и ускорить его обучение.

Старейшины успокоились, когда он сказал им, что у него уже есть другие планы относительно своего сына; что он планировал нанять учителя, чтобы лучше подготовить его, когда ему исполнится четыре года. Они все еще не были полностью убеждены, но держались на расстоянии. То есть до тех пор, пока на самом деле не наступил день рождения Итачи, и они не узнали, кого именно Фугаку назначил учителем мальчика.

Никто из старейшин этого не потерпит, говорили они, и все они требовали, чтобы Обито был полностью оценен, чтобы увидеть его потенциал—"годится ли он вообще быть Шиноби, не говоря уже о наставнике будущего нашего клана?— ... и сразу же вернулись к тому, чтобы сообщить о своем желании, чтобы Итачи был немедленно зачислен в Академию.

И в этом случае они, скорее всего, хотели поговорить о сыне Фугаку—Итачи, которому четыре года,—и повторить свои требования.

Он стиснул зубы, внутренне готовясь к битве с плохо скрываемой злобой, и вышел из библиотеки.

После того как Обито закончил дневную тренировку, он попрощался с Итачи и направился в центр комплекса Учиха.

Он знал, где встречаются вожди клана, и решил застолбить этот район—надеясь, что, возможно, ему повезет и он выберет день, когда они встретятся и все обсудят. Надеюсь, именно эта тема так волновала Итачи.

Он сел на черепичную крышу, в укромном месте между зданиями, чтобы спрятаться от прохожих, и устроился поудобнее. Через три часа после прибытия обито внезапно проснулся (видимо, он заснул) и подумал, не стоит ли ему уйти, заметив положение Солнца, но потом понял, что причина(ы), по которой он проснулся, была в том, что он вошел в здание. Поэтому с привычной легкостью он активировал свой Мангэке и незамеченным проскользнул сквозь крышу здания, чтобы найти место для слежки. В конце концов обито оказался в соседней комнате, откуда он мог наблюдать через щель в раздвижной двери и слышать (достаточно) благодаря акустике.

Так что там Обито сидел, Мангэке активировался для быстрого отступления в случае необходимости, глаз прижался к небольшой щели, чтобы наблюдать за продолжающейся встречей лидеров клана Учиха.

Начало было произнесено приглушенным голосом, который он не мог расслышать очень отчетливо. Раньше он мог слышать ясный шепот (Ну, может быть, не совсем ясный, но уж точно не такой тихий) и повышенную громкость в голосе каждого человека. Однако теперь все молчали, если только к ним не обращались напрямую, и обито было трудно понять смысл разговора, когда он мог видеть только рот одного из говорящих людей. Он мог бы использовать свой Камуи, но ему нужно было быть уверенным, что он сможет отступить в любой момент—в конце концов, не стоит быть пойманным на шпионаже за кланом. Так что ему пришлось полагаться на свои далеко не идеальные способности к чтению по губам и средний слух.

Одна вещь, которая попыталась передать с абсолютной легкостью, впрочем, как плечи Фугаку были напряжены. С того места, где сидел Обито, человек стоял под каким-то странным углом, так что он мог видеть только часть своего профиля, а большая часть его лица была более или менее скрыта. Тем не менее, было достаточно просто увидеть, какое давление испытывал этот человек, насколько он был напряжен. Его гнев и разочарование скрывались под тонкой завесой сдержанности и спокойствия, но это было заметно по его плечам и сжатым кулакам.

- ...Твои решения опрометчивы, - услышал Обито его голос из-за того, что он все громче говорил. -Может быть, он и гений даже по меркам нашего клана, но Итачи все еще ребенок, и я не знаю, что ему делать...."

- А-а, - тихо подумал Обито, несколько раз моргнув, чтобы избавиться от сухости в глазах. Вполне логично, предположил он, что речь идет о способностях Итачи. Похоже, он все-таки случайно наткнулся на нужную встречу. Покачав головой, он снова сосредоточился на неуклонно нарастающем споре.

- Мальчик, - позвал один из старейшин, крепко сжимая руки в кулаки. Обито внутренне удивился этому унизительному имени; если он был прав, то Фугаку был тридцать один год, что близко к умственному возрасту путешественника во времени. А как насчет того, что он был мальчиком? -Ты... не повышай голос... на нас. Итачи уже... скоро будет ... а твои невежественные идеалы только мешают клану.- Последняя часть была произнесена с несколько большей силой, и он смог разобрать произнесенные слова.

- Прошу прощения, Кадзуки-Сан, но Итачи всего четыре года. Нет никакой логической причины вводить его в Академию так рано, так как шесть-это точно так же.—"

- Фугаку, не позволяй своим эмоциям затуманить рассудок. Ты не понимаешь необходимости этого действия, абсолютной важности скорейшего поступления в Академию наследника нашего клана, который представляет всю Учиху."

-Но разве выбор Фугаку-сама так уж ошибочен? Если Итачи действительно такой гений, каким он якобы является, ожидание года или двух не должно иметь никакого значения—на самом деле, дайте ему до шести лет, и он должен быть снабжен достаточным количеством знаний и опыта, чтобы сочетать свою неразвитость и иметь возможность закончить школу в течение года."

-Если его гений находится на таком уровне, как вы говорите, то не будет ли благоразумным войти в него как можно скорее? Это пустая трата потенциала, чтобы удержать мальчика. Пусть он проявит свои способности в Академии, а там посмотрим."

-Все так, как ты говоришь, Джиро. Самое мудрое-подтолкнуть мальчика и тогда увидеть его потенциал, потому что нянчиться с нашим наследником ничего не выйдет."

По мере того как голоса становились все громче и все больше людей добавляли свои собственные мысли, обито откинулся назад и нахмурился. Он заметил едва скрываемое намерение убить Фугаку, и, говоря проще... он был потрясен. Он не мог сказать, было ли это невежеством или отсутствием заботы, но большинство старейшин действительно не обращали внимания на неуклонно растущий гнев своего лидера. Отмахиваюсь от него.

Обито, честно говоря, не мог не задаться вопросом, а не сошел ли Фугаку с ума от более неприятных требований старейшин в первый раз. Судя по тому, что он видел в этом человеке, Учиха Фугаку был далеко не таким рассудительным, гордым, невежественным дураком, каким он его себе представлял—на самом деле этот человек был скорее комбинацией Саске и Итачи. Конечно, у него была своя гордость, определенное упрямство и сильная преданность клану, но он также обладал аналитическим умом, который позволял ему оценивать ситуацию с небольшим или, по крайней мере, разумным уклоном. Это было доказано тем фактом, что во время их встречи в доме Минато он потрудился взглянуть на обито не только с презрением.

- Он нахмурился. Из всех людей, Обито никогда не думал, что он действительно... сопереживал Фугаку. Но этого следовало ожидать, предположил он—он уже однажды недооценил Фугаку, и это не было похоже на то, что его суждение было особенно здравым.

Или в здравом уме, если уж на то пошло.

- Довольно, - прогремел Фугаку, прорезая неуклонно растущий спор, как ледяная сталь. Обито посмотрел назад через маленькую щель и увидел, что глаза мужчины с того места, где он сидел, сузились до сердитых щелочек. -Поскольку я не согласен с этим предложением, Итачи еще не поступит в Академию.- Он поднял руку, чтобы заглушить уже начавшиеся протесты. - Тем не менее, я согласен..."

Как голос, Фугаку успокоил на более низкий тон вне диапазона слуха попыталась передать, Он покачал головой и встал. С него было достаточно; он выяснил, в чем дело—похоже, что гениальность Итачи доставляла ему столько же хлопот, как и раньше,—и этого было достаточно, чтобы отвлечься от своих менее позитивных мыслей. Возможно, он мог бы попытаться помочь мальчику в будущем, но сейчас самое большее, что он сделает, - это обучит наследника клана и окажет моральную поддержку, когда и если понадобится.

- ...Полагаю, это приемлемо, - произнес скрипучий голос, звучавший довольно скучающе.

Фугаку-"Хорошо. Теперь, когда мы все пришли к соглашению, эта встреча-объявление—"

-Вообще-то, Фугаку-сама, прежде чем мы двинемся дальше, - раздался еще один голос, очень похожий на веселый. - Обито помолчал, нахмурив брови от странного тона. -Вы хотите нам что-то сообщить?"

- ...Боюсь, я не совсем понимаю, что вы имеете в виду."

Вздох. -Ну что ж, тогда, наверное, мне следует просто сказать об этом. Я верю... " трепетание пергамента. Чакра Фугаку вспыхнула в минутной панике. - ...Что объяснение вполне уместно."

Легкое любопытство охватило Обито, чтобы узнать, что же так беспокоило патриарха Учиха, но в глубине души он знал-очевидно, это было еще одно несогласие, столкновение идеалов между Фугаку и старейшинами, и Обито почти не сомневался, что это было что-то еще, так или иначе связанное с "превосходством клана"."

Отвращение быстро сменилось любопытством при этой мысли, и обито улучил момент, чтобы усмехнуться раздвижным дверям, скрывавшим его присутствие.

Решив, что он задержался достаточно долго, его глаза на мгновение вспыхнули, и он шагнул вперед, скользя в знакомый мир своего Камуи.

Остальную часть разговора он не слышал.

http://tl.rulate.ru/book/28530/799322